

Приказы кнѳига Book reviews

Денис И. Петренко: *Лингвистический витализм метапоэтики К. И. Чуковского* / Под ред. д-ра филол. наук проф. К. Э. Штайн. – Ставрополь: Изд-во сгу, 2011. – 482 с.

Как известно, современная лингвистика ориентирована на такие методологические задачи, как: 1) исследование динамической, функциональной, стороны языка, 2) использование методов смежных наук и научных направлений, 3) расширение предмета исследования – от языковых единиц к целому тексту и далее – к курсу. Не отрицая и даже не снижая значимости эмпирического знания, специально предназначенного для расширения общего фонда научного знания, мы акцентируем значимость теоретического, в частности *методологического*, знания в вышеназванном исследовании. Монография Д. И. Петренко посвящена концепции лингвистического витализма, получившей системное обоснование благодаря анализу совокупности принципов этой концепции, представленных в обширной деятельности Корнея Ивановича Чуковского.

Эта работа *актуальна* и интересна в связи с тем, что актуализирует уходящий с переднего края в историю науки продукт «грандиозного творчества К. И. Чуковского» (Петренко 2011: 5).

Новизна, теоретическая и практическая *значимость* исследования несомненны не только для нового – метапоэтического – научного направления, ориентированного на изучение *целых* текстов *всего* творчества того или иного автора, а также общей теории языка, но и для науковедения, а значит, для решения, обоснования, аргументации многих пограничных проблем, например, в области языка и мышления (гносеологических и психологических).

Представляется особенно важным подчеркнуть то, что автор данного исследования вскрывает и аргументирует значимость результатов творческой деятельности К. И. Чуковского для истории лингвистических учений. Это первое в своем роде у нас в стране (да и с учетом зарубежных публикаций), действительно новаторское исследование репрезентации принципов лингвистического витализма (язык – живой как жизнь) в научном, поэтическом и переводческом творчестве мыслителя Корнея Ивановича Чуковского. Если во всех предшествующих публикациях по метапоэтике, в той

или иной мере затрагивающих вопрос о лингвистическом витализме, он либо декларативно провозглашался (как само собой разумеющееся) – что, естественно, не вело к его углубленному рассмотрению, – либо излагался без достаточной методологической опоры, то в исследовании Д. И. Петренко преодолены оба этих недостатка: представлен результат глубокого теоретического изучения указанной в заглавии проблемы – к тому же с учетом комплексного анализа огромного конкретного материала. (Заметим, что только таким способом и должна изучаться и решаться проблема функционирования «живого как жизнь» языка.)

Автор рецензируемого труда исходит из единственно верной в свете современной науки исходной посылки – *деятельностной* природы науки, научного познания, научного и художественного творчества, самого языка. Д. И. Петренко дает широкое обоснование утверждению о том, что К. И. Чуковский понимает язык как относительно замкнутую деятельностную систему с собственными интенциями, как гармонизированное единство, в котором каждая часть подчиняется целому. Не случайно К. И. Чуковский использует виталистическую антропоморфную метафору, подчеркивая автономность, самостоятельность языковой системы, ее деятельностный характер, т.е. «жизненную доминанту» (Петренко 2011: 451) языковой системы.

Исследование творчества Корнея Ивановича Чуковского выполнено в русле нового для филологии метапоэтического научного направления, в познавательном пространстве которого весьма важно, что теория метапоэтики предполагает *системное* рассмотрение функционирующего языка как *живой системы*. Предста-

вленная в работе концепция лингвистического витализма, конкретизированная на примере творчества К. И. Чуковского, совершенно обоснованно и аргументированно позволила Д. И. Петренко прийти к заключению о том, что исследования К. И. Чуковского осуществлялись как в системе самой жизни, так и в системе языка как одной из форм жизни, как главной артикуляции жизни, все его творчество посвящено изучению «живого как жизнь» языка, и в парадигме наук о жизни оно занимает значительное место. На этом основании (и конечно, благодаря аргументации Д. И. Петренко) совершенно справедливо звучит положение о том, что теория К. И. Чуковского аккумулирует в себе тенденции, увиденные предшественниками, и содержит перспективные идеи исследования языка как «живой системы» – идеи, которые до сих пор не были востребованы.

В самом общем плане, т.е. в науковедческом отношении, данная работа вписывается в круг концептуально важных и значимых разысканий, представляющих собой заметное свидетельство плодотворности *творческого подхода к методологическому аспекту научного знания*. Именно этот аспект акцентируется, на нем концентрируется наше внимание при анализе столь объемной работы – *многоаспектной* и в то же время *целостной*.

Целесообразно отметить то, что в филологической науке теоретические основы (точнее, основательный фундамент) для исследования художественного творчества в метапоэтическом аспекте не только заложены, но и активно разрабатываются, их научная надежность (прочность конструкции) достаточно широко уже продемонстрирована ставропольскими учеными. Приведем доста-

точно обширную, и вместе с тем все-таки лаконичную по существу, констатацию В. П. Ходуса, одного из ярких представителей школы К. Э. Штайн: «В основополагающей статье «Метапоэтика: размытая парадигма» (1999) К. Э. Штайн ... рассматривает природу, структуру и функционирование русской метапоэтики. Это исследование легло в основу четырехтомной антологии «Три века русской метапоэтики: Легитимация дискурса» (2002–2006)». В свою очередь, антология позволила В. П. Ходусу сделать справедливое обобщение о том, что это наиболее полное и четкое описание метапоэтики как системы лингвистического и – шире – филологического и общенаучного знания. Отсюда видно, что исследование Д. И. Петренко действительно имеет принципиальную значимость в пределах не только сугубо лингвистического, но и шире – филологического и общенаучного знания. С одной стороны, расширяется представление об *исходных* понятиях *функционирование/жизнь языка, метапоэтика* в качестве одной из форм *интерпретации языка*, развиваются *основные* – в данном исследовании – понятия *лингвистический витализм, живые системы, языковая деятельность, симфоническая личность* (К. И. Чуковского), в дискурсе многомерной творческой деятельности выявляются и актуализируются доминирующие *уточняющие* – по отношению к основным – понятия *детский язык, детское творчество, творчество для детей, язык перевода*. С другой стороны, данное исследование *уплотняет и наращивает* именно уплотненное знание, поскольку автор имеет счастливую возможность опираться на динамичный (оттого особенно плодотворный!) фундамент, заложенный предшественниками-коллегами,

и благодаря пронизательному взгляду талантливому человеку *преодолеть инерцию* ограниченного, почти одностороннего восприятия творческой жизнедеятельности симфонической языковой личности (не случайно утверждается положение о том, что в основе метапоэтики К. И. Чуковского лежит синтез искусства, философии и научного знания, иначе говоря, внутренняя гармония всех ее начал, всех речевых данностей: метапоэтики прозы, метапоэтики поэзии, метапоэтики перевода, сложного метапоэтического жанра – литературного портрета.

451

Целью рецензируемой работы является системно организованное рассмотрение метапоэтических текстов К. И. Чуковского в ракурсе лингвистического витализма и соответствует теоретической установке известного научного направления, активно развиваемого в Ставропольском университете (см. вышедшие в последние годы монографии и защищенные докторские диссертации Ф. И. Джаубаевой, Э. В. Пивановой, В. П. Ходуса, а также 4 монографии Д. И. Петренко – две из них в соавт. с К. Э. Штайн – и др.), что определенно и объективно свидетельствует о концентрации креативной атмосферы в коллективе лаборатории TEXTUS, имеющей целью формирование проблемного пространства и поиск *новых* путей исследования актуализованных проблем.

В плане общей оценки работы, бесспорно, следует особо отметить широчайший и вместе с тем уплотненный научно-познавательный контекст, непротиворечивость поставленной цели и пути ее достижения, последовательность и убедительность рассмотрения явлений в многоаспектной системной организации, поскольку метапоэтический текст пред-

ставляет собой область художественной рефлексии – по существу безграничной – и разрабатывается с опорой на теорию метатекста, применяемую в общелингвистическом знании.

Изучение функционирования как эксплицитных, так и имплицитных метатекстовых данных относится к задачам непреходящей актуальности в связи с дискурсивностью функционирования языка и бесконечным изменением художественного пространства. Естественно, что динамический процесс творческой деятельности привлекает активный интерес исследователей, благодаря которому стала ясно осознаваться, с одной стороны, необходимость создания полных и законченных частных метапоэтик, а с другой – возможность по-новому, с учетом именно обновления методики исследования материала, подойти к описанию функционального потенциала данного сегмента языкового творчества. Поэтому представляется важным подчеркнуть особую *актуальность* и *новизну* разысканий в области методологии разработки проблем функционального аспекта языка.

Научные *результаты* исследования, выполненного Д. И. Петренко, основываются на изучении обширного материала, включающего тексты, в которых содержатся метапоэтические данные о творчестве К. И. Чуковского, репрезентирован язык в разных формах его существования и функционирования, представленных текстами детского творчества, текстами для детей, текстами переводов.

Полученные автором научные результаты обладают несомненной *теоретической значимостью*: они могут быть использованы в теоретических трудах по русистике, функциональной стилистике, коммуникативной лингвистике и

др. *Практическая ценность* исследования соотносится с тем, что его результаты могут служить составной частью системы профессиональной подготовки филологов в процессе преподавания базовых и специальных лингвистических курсов, а также могут быть использованы при научной подготовке магистрантов.

Несомненно, *главным итогом* проделанной работы, *отражающим самостоятельность* полученных лично Д. И. Петренко *результатов*, следует признать *обоснование и разработку новой научной парадигмы* – благодаря многоаспектному развитию понятия *лингвистического витализма* и соответствующей этому понятию общей теории *лингвистического витализма*, а также *исследование реализации виталистической концепции в курсах разных типов*, представленных в творчестве К. И. Чуковского.

Уникальный по своей сложности структурный механизм концепции Д. И. Петренко требует тщательного, полного и последовательного описания, что мы и наблюдаем в тексте монографии. Только в результате такого описания и можно получить представление о лингвистическом витализме как *системе* знаний относительно поэтического, переводческого, научного творчества К. И. Чуковского.

Концепция лингвистического витализма построена на основе концентрического принципа – одного из важнейших познавательных принципов уплотнения знания – принципа, обуславливающего алгоритм изложения, включающий притяжение идей (П. А. Флоренский), обобщение, минимизацию концепции и др. мыслительные операции, – доведена Д. И. Петренко до логической прозрачности. Так, *общефилософское* понимание витализма (в трактовке ученых-виталистов

У. Гарвея, Г. Шталя, И. Ф. Blumenбаха, Г. Дриша, Л. фон Бергаланфи, Э. Синногту и др.) представлено в сжатом обобщении автора: «В рассмотрении витализма учитываются три аспекта его понимания: 1) понятие узкопрактических витальных (жизненных) потребностей человека; 2) понятие духовного («энтелехия», воля, энергия) в проявлениях жизненного начала человека и природы; 3) понятие «творческого порыва» (А. Бергсон) в жизнедеятельности человека и природы» (Петренко 2011: 444). [Кстати, дискурсивный научно-познавательный подход к развитию концепции лингвистического витализма проявляется в учете принципов других актуальных научных концепций, в частности, синергетического единства устойчивости и хаоса; см. в частности: «К. И. Чуковский говорит о «правильном, дистиллированном, бесцветном, *неживом* языке, каким пишут бездарные люди» в противовес «вечно обновляющейся поэтической речи» художника» (Петренко 2011: 452).]

В соответствии с концентрическим принципом логично обращение автора к философским концепциям языка в разработке В. фон Гумбольдта, А. А. Потемни, П. А. Флоренского, В. И. Иванова, Д. Н. Овсяннико-Куликовского и др. Нельзя не процитировать выявленные автором положения концепции В. фон Гумбольдта, коррелирующие с виталистическими идеями: «1) жизнь природы и человека – проявление единой «духовной силы»; 2) подлинное творящее начало в истории человечества – «вторжение духовной силы»; 3) язык – главное проявление духовной силы человека; 4) язык – работа духа, направленная на определенную цель; 5) источник языка – в душе народа; 6) творчество народов по созданию языка

предшествует интеллектуальному творчеству индивидов; 7) язык не мертвый продукт, а созидающий процесс, деятельность духа» (Петренко 2011: 444). В таком контексте совершенно естественным является обращение к особенно актуальному – *целостному* – осмыслению творчества К. И. Чуковского: «Тенденции отечественного лингвистического витализма нашли наиболее полное выражение в метапоэтике К. И. Чуковского, которую можно рассматривать как развитое научное представление лингвистического витализма и творческое понимание и претворение его в теоретических и художественных произведениях» (Петренко 2011: 446–447).

Методологическая устремленность Д. И. Петренко проявилась в ярком рациональном решении сформировать концепцию лингвистического витализма – благодаря метапоэтике (на материале метапоэтики) К. И. Чуковского. Наиболее общее концептуальное понятие *метапоэтика* определяется как *комплексное знание* (Петренко 2011: 6), в которое входит исследование автором собственного творчества и творчества других художников, а также гетерогенная система систем, которая соотносится с языком как материалом литературы и как системой знаков, обладающей определенным звуковым и грамматическим строем и, служащей средством общения.

Исследование в качестве компонента определения метапоэтики соотносится с понятием *лингвистического витализма*, которое определяется как «исследование «жизненной силы», жизненных потенций языка как «живой системы», представленного в контексте современного научного знания (учений, в которых рассматриваются вопросы целесообразности

строения и функций «живых систем», истоков активности живого, управления его поведением и эволюцией), в процессе исследования делается установка на познаваемость свойств языка как деятельностной, динамичной, «живой системы» (Петренко 2011: 11).

Композиция рецензируемого сочинения отражает особенности проведенного исследования, в проблематику которого входят прежде всего определение понятий *метапоэтика*; *лингвистический витализм*, *живая система*, а также выявление закономерностей и причин применения этих понятий к метапоэтике К. И. Чуковского.

Во введении автор формирует методологическую рамку исследования, определяет *объект*, *предмет* исследования, формулирует *цель* и *задачи*, дает дефиниции необходимых, концептуально значимых понятий, которые предопределяют читательские ожидания и «задают» *структуру* диссертации.

В первой главе «Витализм в естественнаучном, философском, лингвистическом знании» актуализированы важнейшие понятия, введенные в основных направлениях современных лингвистических исследований ученых-виталистов. Эта глава свидетельствует о *новизне* и сложности формирования проблемного пространства лингвистического витализма. Нельзя не поддержать точку зрения Д. И. Петренко на то, что лингвистический витализм симфонической языковой личности К. И. Чуковского выражается во-первых, в *дискурсивной организации писательской и исследовательской деятельности*, которая реализуется в широком живом полилоге с читателями, учеными, писателями, нашедшем выражение в разножанровых произведениях, непосредственных раз-

говорах, переписке, статьях, опубликованных в печати, с живыми откликами на них, а также, во-вторых, в *отношении к языку как деятельностному, живому, жизненному явлению* в бытии детей и взрослых, в художественном творчестве, в переводческой деятельности, в научных исследованиях.

Сложность интерпретации метапоэтического текста К. И. Чуковского обусловлена прежде всего тем, что его виталистическая концепция формировалась на основе дискурсивной деятельности ученого, поэта, переводчика – деятельности, представленной в различных речевых жанровых данностях (статьях, разговорах, полемиках и т.д.); эта деятельность осуществлялась как «динамичная многоплановая и многомерная речевая реальность, в которой взаимодействовали различные субъекты (простые граждане – писатели – ученые)... К. И. Чуковский находился в центре этого динамического процесса, что в полной мере отображает *титаническую* деятельностную позицию его языкотворческой личности (Курсив наш. – М. К.)» (Петренко 2011: 168).

Во второй главе «Основы лингвистического витализма метапоэтики К. И. Чуковского» рассматривается реализация метапоэтики К. И. Чуковского в системе принципов лингвистического витализма посредством анализа его работы «Живой как жизнь» – последовательного системного описания «живой жизни» языка. В результате металингвистической деятельности К. И. Чуковского, т.е. объединения эмпирических наблюдений в процессе дискурсивной практики, аналитической деятельности с огромным материалом, рефлексии над писательским опытом, современная лингвистика обогатилась целостной теорией языка, рассматриваемого как «живая система».

В третьей главе «Детский язык, детское творчество, творчество для детей в русле виталистических лингвистических идей метапоэтики К. И. Чуковского» подвергается анализу полемика о новой детской литературе и ее языке в 20–30-е годы XX века. В основе полемики – противопоставление виталистических взглядов К. И. Чуковского жестким утилитарным, механистическим позициям ученых-«педологов». В качестве главной установки теории детского языка выступает развитие детской речи, представляющее собой творческий, живой, сложный процесс усвоения народного языка, основанный на познавательном, активном, деятельностном отношении детей к окружающей действительности.

Метапоэтика поэзии для детей в концепции К. И. Чуковского отличается особым вниманием к запросам ребенка, его психологии, языку творчества. Скрупулезный анализ детского языка, детских произведений и произведений о детском языке самим художником, по обоснованному, вполне убеждающему читателя (и лично убежденному! – что весьма ценно) – «уникальное явление, не имеющее аналогов в русской метапоэтике» (Петренко 2011: 358). Поэтому особо подчеркнем значимость обращения и внимательнейшего изучения Денисом Ивановичем Петренко творческого наследия К. И. Чуковского как материала, из которого строится аргументативная база концепции лингвистического витализма.

В четвертой главе «Виталистические идеи К. И. Чуковского в процессе анализа языка перевода» рассматриваются деятельностный характер виталистической языкотворческой личности К. И. Чуковского, свойства «живого» и «мертвого» текста перевода в концепции метапоэ-

тики художника, виталистические тенденции в метапоэтике К. И. Чуковского, проявляющиеся в языке перевода. Д. И. Петренко акцентирует удивительно глубокую, причем не только интеллектуальную, но и морально-этическую характеристику переводчика и его творческой переводческой деятельности.

В пятой главе «Частные метапоэтики К. И. Чуковского и их виталистические тенденции» рассматриваются частные метапоэтики Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, В. Я. Брюсова наиболее значимые для решения проблемы связи витальности характера того или иного писателя и виталистических тенденций его творчества. Замечательна мысль К. И. Чуковского о «могучей воле, энергии, гигантских жизненных силах» А. П. Чехова; эта виталистическая тенденция выявлена благодаря внимательнейшему текстологическому анализу первоначальных текстов в записных книжках, черновиках и др. материалах и окончательных вариантов текстов, в которых запечатлено усовершенствование языка.

В целом, монография Д. И. Петренко отличается актуальностью темы, демонстрирует четкую методологическую позицию автора и применение комплексных методов исследования материала. представляет собой крупный вклад в современное филологическое, эпистемологическое, науковедческое знание. «Лингвистический витализм метапоэтики К. И. Чуковского» – это выдающееся произведение талантливого ученого, обладающее мощной энергетикой научного мышления, это по всем параметрам инновационное исследование, способное будить креативную мысль русистов-исследователей XXI века.

Мария П. Котюрова (Пермь)

М. Б. Раренко (ответственный редактор):*Основные понятия англоязычного переводоведения:**Терминологический словарь-справочник. – Москва: иницион*

РАН, 2011, 250 с. ISBN 978-5-248-00573-4

456

Jest to pierwsza na rynku rosyjskim próba przedstawienia terminologii przekładoznawczej występującej w pracach anglojęzycznych autorów. Autorzy omawianej tu książki (będącej jednocześnie słownikiem terminologicznym oraz informatorem) podkreślają, znaczną różnorodność jednostek leksykalnych, które oznaczają jedno i to samo zjawisko. Publikacja ma za zadanie zwrócić uwagę przekładoznawców na problemy terminologiczne oraz pomóc studentom filologii w poznaniu pojęć i terminów przekładoznawczych. Niewątpliwą zaletą jest indeks około 300 artykułów słownikowych w porządku alfabetycznym oraz bibliografia obejmująca 325 pozycji.

Różnicę między przekładem jako rezultatem a innymi wtórnymi tekstami dostrzega się w tym, że przekład jest powołany do tego, żeby zastępować tekst pierwotny, ale w odmiennych warunkach kulturowych (Раренко 2010: 117).

Niepodobna omówić wszystkich haseł, dlatego wybieram te, które są z pogranicza przekładoznawstwa i stylistyki. Strukturę artykułu słownikowego przedstawię na przykładzie terminu *stylistic shifts* (s. 188–189). Sam termin anglojęzyczny zapisywany jest dużymi literami, a po nim w nawiasach podaje się rosyjskie odpowiedniki (*стилистические смещения, стилистические сдвиги*). Następuje definicja: „zmiany w tekście przekładu, u podłoża których leży funkcjonalna nieodpowiedniość poszczególnych elementów oryginału i przekładu” («изменения в тексте перевода, в основе которых лежат функциональные несоот-

ветствия отдельных элементов оригинала и перевода»). Autorka hasła M. B. Rarienko, zwraca uwagę, że w anglojęzycznym przekładoznawstwie takie rozumienie terminu jest zgodne z teorią przekładu literackiego A. Popoviča. Przesunięcia stylistyczne mają związek z pojęciem ekwiwalencji. Z tego powodu omawiany tu artykuł słownikowy odsyła do hasła *equivalence*, a także do *individual shifts*, *obligatory shifts* i *optional shifts* zgodnie z podziałem przesunięć stylistycznych indywidualnych na obligatoryjne i fakultatywne. Hasło kończy informacja bibliograficzna.

Objętość artykułu słownikowego może wahać się od dwóch akapitów do czterech stron. Przykładem obszernego hasła jest *stylistic equivalence* (ekwiwalencja stylistyczna), którego autorką jest N. N. Troszyna (s. 185–188). Zgodnie z koncepcją słownika, co jest jego zaletą, podaje się inne terminy, które odnoszą się do tego samego zjawiska, a więc *connotative equivalence* (коннотативная эквивалентность) i *dynamic equivalence* (динамическая эквивалентность). Autorka hasła zaznacza, że ekwiwalencja stylistyczna jako odmiana ekwiwalencji przekładowej jest „klasyczną cechą przekładu jako wtórnego tekstu”. Niewątpliwie z zagadnieniem tym wiąże się także pojęcie stylu kognitywnego, czyli charakterystycznych dla danej osoby stałych preferencji poznawczych, przejawiających się w wykorzystywaniu przeważnie sposobów przekazywania informacji, które w największym stopniu odpowiadają psychologicznym możliwościom i skłonnościom danego człowieka (Холодная 2004: 20–21, Трошина 2008: 171). Tekst Troszyny z 2008 roku

jest bardziej informatywny od samego hasła, gdyż zawiera m.in. cenne przykłady, które ze względu na ograniczone ramy omawianego słownika nie mogły się w nim znaleźć.

Jedną z zalet omawianej tu publikacji jest podawanie rosyjskich odpowiedników angielskich terminów przekładoznawczych, co z pewnością docenią zachodni czytelnicy. Przykładem jest hasło *community interpreting* (s. 24–26). Jego autorzy (W.N. Bazylew i A.B. Buszew) zwracają uwagę, że ten typ tłumaczenia konsekwentnego oznaczany jest również innymi terminami angielskimi: *dialogue interpreting* oraz *public service interpreting*. W języku rosyjskim określa się go nazwą *коммунальный перевод*, a w polszczyźnie – *przekład ustny środowiskowy*.

Z doświadczenia dydaktycznego wiadomo, że pożyteczne jest ilustrowanie definicji pojęć czy terminów przykładami zjawisk, które się do nich odnoszą. Zatem nie mniej ważna jest analiza samych przekładów, pojmowanych jako rezultat i proces.

Książka jest cennym wprowadzeniem rosyjskich czytelników do prac przekłado-

znawczych napisanych w języku angielskim. Warto tu także odnotować opracowanie rosyjskojęzycznych pojęć przekładoznawczych (Паренко 2010). Z pewnością na podobne wprowadzenie zasługują publikacje przekładoznawcze napisane w innych językach, nie tylko kongresowych i nie tylko europejskich. Wszystko to ma służyć pokonaniu największej przeszkody w badaniach przekładoznawczych, jaką niewątpliwie jest bariera językowa. Nieodzowne są publikacje syntez także w innych językach. W tym nurcie badań jest m.in. moja książka *Rosyjskie teorie przekładu literackiego* z 2011 r.

Charakterystyczną cechą rynku wydawniczego w krajach słowiańskich jest niskonakładowość publikacji (zwykle 200 czy 300 egzemplarzy). Z tego właśnie powodu znacznie dłużej docierają one do zainteresowanych czytelników. Dlatego w wymianie informacji naukowej trudno przecenić rolę czasopism cieszących się międzynarodowym prestiżem, do których z pewnością zalicza się *Стил*.

Tadeusz Szčerbowski (Kraków)

457

Валерия Е. Чернявская: Коммуникация в науке: нормативное и девиантное. Лингвистический и социокультурный анализ. М.: Книжный дом «Либроком», 2011, 240 с.

В центре исследовательского интереса автора – диалектика нормативного и девиантного в научной коммуникации. При этом научная коммуникация трактуется как «совокупность форм и процедур профессионального общения в научном сообществе, создающих механизм развития науки, то есть получения, презентации,

развития знания, в том числе его экспертизы». Применяемый В. Е. Чернявской текстоцентрический подход к научной коммуникации дает возможность провести значимые наблюдения и сделать выводы о закономерностях, тончайших нюансах перехода мыслительных феноменов в языковые формы.

В работе показано, в каких ситуациях и при каких условиях необходимым и целесообразным для осуществления эффективной научной коммуникации становится следование конвенциональному стандарту, а когда ученый получает право на девиацию, на игнорирование нормы. Исследование проводилось на материале немецких и английских научных текстов в области гуманитарного и естественно-научного знания. Причем межъязыковое сопоставление продемонстрировало универсальный характер изучаемых языковых явлений.

Структура книги обусловлена пониманием нормативного и девиантного в науке как разноуровневого феномена. I глава обращена к гносеологическим стандартам и нормативам, определяющим специфику научного знания среди иных форм человеческого познания. Рассматривается псевдо-/квазинаучное знание в оппозиции к рационально достоверному научному знанию. II глава представляет научное знание как объект оценки в соответствии с социально выработанными критериями. Дискутируется феномен научной элиты и квазиэлиты. III глава содержит текстоцентрический анализ научной коммуникации: рассматриваются стереотипные языковые единицы, текстовые образцы, типичные стратегии и правила текстопорождения, с которыми связывается адекватное представление результатов научного знания. Образцовые модели сравниваются с квазиэлитарными текстами, нарушающими кон-

венциональные правила представления научного знания. В IV главе оппозиция «нормативное и девиантное» анализируется в аспекте ее культурной специфики. Дискурсивный анализ, представленный в V главе, приводит предшествующие рассуждения к осмыслению широкого круга когнитивных феноменов, влияющих на оценку отдельного научного результата со стороны научного сообщества. Проблема нового знания рассматривается с точки зрения дискурсивной преемственности, как следование стандарту или его нарушение. Показываются социокультурные и когнитивные основы плагиата как девиантной формы коммуникации в науке.

В заключение автор вполне логично приводит нас к следующему выводу. В одном случае девиация может быть продиктована стремлением к риторичности и, с такой точки зрения, коннотациями к понятию девиантности следует считать оригинальность, экспрессивность, броскость научного изложения. В другом случае девиация – это нарушения коммуникативных и текстообразовательных моделей, несоответствие нормам, предъявляемым к отправителю сообщения, несоответствие рецептивным ожиданиям адресата. И тогда отклонение от нормативного коммуникативно-речевого поведения препятствует включению отдельного текста в дискурс научной области, а отдельного исследователя – в элитарное научное сообщество.

Мария Андреевна Ширинкина (Пермь)

Вера Васильевна Бабайцева: Система членов предложения в современном русском языке: Монография. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 496 с.

Выдающийся ученый доктор филологических наук профессор В. В. Бабайцева представляет тот тип гармоничного человека, исследователя с многообразными интересами, который верен выбранной однажды профессии, всю жизнь сохраняет в душе ее пафос. Круг идей теории переходности языковых явлений, которой она посвятила свою жизнь, весьма обширен. Они отображены в многочисленных работах, в том числе в монографиях «Явления переходности в грамматике русского языка» (2000), «Система односоставных предложений в русском языке» (2004) и др., в школьных и вузовских учебниках. Но для того, чтобы работать с переходными явлениями, нужно видеть язык как гармоническую стройную целостность, представляющую собой многомерное структурно-системное образование. Корнями теория В. В. Бабайцевой уходит в отечественную традицию. Русистике всегда был присущ целостный подход к языковым явлениям: вспомним труды А. Х. Востокова, А. А. Потебни, Ф. И. Буслаева, А. А. Шахматова, А. М. Пешковского, В. В. Виноградова.

Теория переходности и синкретизма языковых явлений, которую разрабатывает В. В. Бабайцева, связана с обоснованием и фиксацией взаимодействия систем и подсистем языка, в результате чего в языке возникают кооперативные эффекты, процессы переходности, приводящие к синкретизму языковых явлений, то есть сопряжению в одном языковом знаке семантических и синтаксических функций противопоставленных языковых знаков. Эта теория в

итоге оказывается связанной с такими общенаучными идеями, как идеи «размытых множеств», «паранепротиворечивой логики».

В системе языка имеется равновесие между ее компонентами – как между элементами внутри подсистем, так и между подсистемами в рамках системы. В языке нарушение равновесия восстанавливается благодаря «кооперативным эффектам», а именно – синкретизму языковых явлений, возникающих в процессе переходности.

Слово *переходность* используется В. В. Бабайцевой в двух аспектах: оно обозначает как процесс трансформации, так и наличие соединительных звеньев между противостоящими типами классификации, то есть указывает на гармонизацию языковой системы.

В деятельностных концепциях, к которым относится теория В. В. Бабайцевой, категории деятельности и системы оказываются тесно связанными. Деятельностное представление языка есть вместе с тем и его системное представление, так как позволяет фиксировать не только состояние устойчивости, но и неустойчивости, динамичности языковой системы. Понятие переходности, по В. В. Бабайцевой, включает процессы диахронных преобразований и связи (переходы) между единицами в синхронной системе языка. Синхронное состояние языка динамично, для него характерна лишь относительная статика, так как в синхронии создаются предпосылки, условия для диахронных преобразований, динамика диахронных процессов пере-

459

ходности намечается в синхронии и нередко присутствует в ней в виде явлений, отражающих и результаты исторических процессов развития языка.

В. В. Бабайцева уже на первых этапах исследования проблемы дифференцирует понятия переходности и синкретизма. *Переходность* – универсальное свойство языка, которое, отражая системную взаимосвязь и взаимодействие между языковыми фактами, скрепляет их в целостную систему. Явления переходности синхронного характера в грамматическом строе связаны с теми фактами, в которых обнаруживается *синкретизм* – совмещение (синтез) дифференциальных структурных и семантических признаков единиц, противопоставленных друг другу в системе языка, синкретизм – это свойство языковых и речевых явлений, одно из проявлений переходности.

Проблема переходности языковых явлений перерастает границы чисто лингвистической проблемы и, развиваясь во времени и ментальном пространстве, приобретает философские, логические, науковедческие черты. Теория переходности находит применение в разработке речевых стратегий и речевых жанров, в исследовании стилистики текста, лингводидактике. Подлинное освоение фундаментальной теории переходности языковых явлений, разработанной В. В. Бабайцевой, только начинается. Этому способствует появление монографии «Система членов предложения в современном русском языке» (2011).

Известно критическое отношение некоторых лингвистов к проблеме членов предложения: оно вызвано, по мнению В. В. Бабайцевой, многоаспектным характером членов предложения (логический, структурный, семантический, коммуникативный аспекты). Именно

многоаспектность членов предложения делает необходимым использование нескольких критериев в их классификации, но основным является структурный критерий, который непосредственно связан с семантическим.

Иерархия критериев позволяет выделить «типичные члены предложения», обладающие полным набором дифференциальных признаков, и «переходные» (промежуточные, периферийные) явления, обеспечивающие стройность и гибкость синтаксической системы, обслуживающие потребности человеческого общения. К ним относятся синкретичные члены предложения.

Члены предложения не автономные его компоненты: они образуют систему предложения. К системообразующим факторам В. В. Бабайцева относит:

- 1) синтаксические связи и отношения;
- 2) теснейшую связь между основными аспектами предложения, обусловившую многоаспектность членов предложения;
- 3) соотношение членов предложения с другими единицами языковой системы;
- 4) явления переходности, обусловившие наличие синкретичных образований.

В представлении В. В. Бабайцевой, синкретичные члены предложения, обладающие семантической емкостью, характерны как для центра системы членов предложения, так и для ее периферии. Многие синкретичные образования, находящиеся в центре системы членов предложения, характеризуются стабильностью. Периферийные компоненты этой

системы отличаются динамичностью, колебаниями в сочетании дифференциальных признаков разных членов: в синтаксических условиях свойства типичных членов предложения могут актуализироваться. Синтез одноуровневых и разноуровневых элементов в синкретичных членах предложения создает гибкую, динамичную систему членов предложения, позволяющую выразить самые сложные мысли и чувства с помощью минимального набора языковых средств.

Синкретичные члены предложения, по мнению В. В. Бабайцевой, вызывают самое большое количество вопросов при квалификации членов предложения, которые однозначно определить невозможно. Но их системное представление помогает решить множество «трудных вопросов», в том числе связанных с квалификацией компонентов односоставных предложений и предложений, переходных между односоставными и нечленимыми.

Отталкиваясь от учения о членах предложения в традиционной и современной лингвистике, В. В. Бабайцева сосредоточивает внимание на инвариантных позициях членов предложения, рассматривая их как структурно-семантические компоненты предложения. Анализируются все аспекты предложения: характеристика структурного аспекта членов предложения включает понятие структурной схемы предложения, его предикативной основы, описание структурных свойств членов предложения (главных и второстепенных). Семантический аспект членов предложения основывается на выделении логико-синтаксических типов семантики простого предложения, что позволяет выделить структурно обязательные и факультативные члены предложения. Коммуникативный аспект

членов предложения представлен рассмотрением актуализированных и неактуализированных членов предложения.

Значимым в монографии В. В. Бабайцевой является рассмотрение синтаксических связей и отношений в системе членов предложения. Рассматриваются члены предложения с одной связью, двойной (дуплексивы), члены предложения с «ослабленной» связью (детерминанты), анализируются различные «разрывы» в системе синтаксических связей и отношений.

Все эти данные подкрепляются изучением соотношения членов предложений с другими единицами языка: лексемой, граммемой (существительным, инфинитивом, служебными словами), – что позволяет обосновать выделение морфологизованных и неморфологизованных членов предложения. Анализируется соотношение членов предложения и синтаксических единиц: словосочетания (сочинительного и подчинительного) и предложения.

В работе рассматриваются факторы образования синкретичных членов предложения, к которым относится трансформация синтаксических функций, общие синтаксические связи и отношения, эллипсис глагольных форм, синкретичное категориальное значение, словоформы, лексико-грамматические свойства сочетающихся словоформ. Анализируются сами синкретичные члены предложения: синкретичное подлежащее (*Прекрасное побуждает доброе*), синкретичное сказуемое (*Мать в тревоге*), обстоятельственное определение (*Пришел пароход из Москвы*), объектное определение (*Поэзия Пушкина живет в сердце человека*), синкретичное дополнение: атрибутивное дополнение (*Стремление к познанию заложено в натуре человека*), об-

стоятельственное дополнение (*Пчела за данью полевой летит из кельи восковой*), синкретичное обстоятельство (*По радио сообщают сводку погоды*). Выделяются члены предложения с трехкомпонентной семантикой (*Плавание по Волге было праздником*).

462

В работе рассматриваются существующие классификации членов предложения, опирающиеся на различные критерии. Классификация В. В. Бабайцевой строится на основе иерархии критериев, главными из которых являются структурный и семантический как свойства членов предложения, вводятся также функциональные показатели.

Члены предложения в составе осложненного предложения – предмет специального исследования, в котором анализируются признаки однородных членов предложения, строение и семантика их блоков, рассматриваются полупредика-

тивные и непредикативные обособленные члены предложения.

Системное многоплановое многомерное и динамичное исследование членов предложения в монографии В. В. Бабайцевой «Система членов предложения в современном русском языке» (2011) убедительно показывает, что синтаксис членов предложения – одна из центральных проблем грамматики. По мнению В. В. Бабайцевой, это и есть синтаксис простого предложения, синтаксис частей речи, область формирования морфологических разрядов слов, структурно-семантических компонентов предложения, средств выражения информативной семантики и т.д. Этим и объясняется важное место членов предложения в сложной иерархии системы языка, роль членов предложения в лингвистике и лингвометодике.

Клара Э. Штайн, Денис И. Петренко
(Ставрополь)

Когнитивная поэтика: проблемы, опыт исследования;
Современная русистика: направления и идеи; серия под редакцией Александра Киклевича и Аллы Камаловой, том 3; Olsztyn: Uniwersytet Warmińsko-Mazurski, 2011, 169 стр. – ISBN 978-83-61605-92-8

Трећа публикација у оквиру научне едиције *Современная русистика: направления и идеи*, коју издаје Варминско-мазурски универзитет у Олштину, представља колективну монографију руских и польских лингвиста и теоретичара стила. Монографија је објављена у редакцији двају еминентних истраживача – полонисте Александра Киклевича, професора Варминско-мазурског универзитета у

Олштину и главног уредника часописа *Источноевропейски преглед (Przegląd Wshodnioeuropejski)*, који објављује Универзитет у Олштину и руске ауторке Але Камалове, сараднице на пројектима Истраживачког центра источне Европе, чије је седиште на Универзитету у Олштину, а основан је са циљем да промовише међународну сарадњу Пољске са земљама источне Европе у областима економије,

Styl 2012

образовања, научног истраживања, историје, културе и језика.

Редактори су публикацију под називом *Когнитивна поезика: проблеми, опыт исследования* осмислили као неку врсту тематског зборника посвећеног релативно младој филолошкој дисциплини – когнитивној поезици. Теоријске поставке когнитивне поезике треба тражити у сродним научним дисциплинама – пре свега у когнитивној лингвистици и когнитивној психологији, али и у класичној реторици, која се од 80-их година 20. века развија као когнитивна реторика. Когнитивна поезика у тесној је вези и са рецепционистичком критиком, стилистиком и анализом дискурса.

У уводној речи редактора Ала Камалова истиче да се когнитивна поезика још увек налази у почетној фази развоја, те је карактеришу различите хипотезе, дискусије теоретичара, као и разматрања везана за предмет, циљеве и методе научног истраживања. По среди је, објашњава ауторка, сасвим нови правац у проучавању књижевноуметничког текста, у оквиру кога се посебна пажња посвећује анализи читања, тачније рецепцији дела. Будући да је у центру научног интересовања књижевни текст, когнитивна поезика још увек није заузела „стабилно“ место у кругу филолошких дисциплина, те је једни аутори сматрају правцем у теорији књижевности, други је виде као преваходно лингвистичку теорију, а неки допуштају да је реч о специфичној интердисциплинарној области.

Когнитивно-поетско научно истраживање, како наводи Камалова, анализирањем процеса читања, тежи да продре у суштину односа унутар троугла *аутор/творца књижевноуметничког текста – текст – читалац*, са циљем да објасни како рецепијент у датом процесу разу-

мева књижевни текст. Са позиције когнитивизма, књижевноуметнички текст представља синтезу менталних и језичких структура, а за когнитивну поезику као дисциплину од посебног је значаја како се успоставља веза између уметникових менталних представа и њихове реализације у контексту. При том је у центру пажње истраживача *концепт*, као основна категорија когнитивне лингвистике и концептуализације.

Монографија *Когнитивна поезика: проблеми, опыт исследования* подељена је у три тематске целине: *Когнитивна поезика: задачи и категорије*, *Интерпретација художественног текста* и *Концепти художественног текста*.

У делу посвећеном појмовима од значаја и задацима когнитивне поезике налазимо три рада, чији аутори својим истраживањем настоје заправо да поставе теоријске основе нове научне дисциплине. У уводној студији, *О задачама и категоријама когнитивне поезике (кратки обзор)*, А. Камалова покушава да одреди место когнитивне поезике у кругу хуманистичких наука, разматрајући у каквом је односу ова дисциплина према сродним научним дисциплинама – психологији, теорији књижевности и лингвистици. Ауторка најпре указује на задатке који стоје пред когнитивном поетиком као релативно младом научном дисциплином, а затим се усредсређује на формирање терминолошког апарата, тежећи истовремено да објасни неке од кључних појмова који су у вези са когнитивном поетиком. Посебну пажњу Камалова посвећује појму *концепт*, истичући да се проучавање књижевноуметничког текста у когнитивизму заснива управо на проучавању индивидуалног стила одређеног аутора, тј. његових индивидуалних уметничких концепата. Будући да се у лингвистици и

књижевности *концепциј* изучава са различитих аспеката (нпр. когнитивистичког, лингвокултуролошког, културног итд.), у језичким и књижевно-теоријским научним радовима се, у зависности од потребе истраживача, могу пронаћи различита термилошка решења – *линвокоіниіивни концепциј*, *линвокуліурни концепциј*, *куліурни концепциј*, *књижевни концепциј* и сл. Камалова као најпогоднији за когнитивну поетику предлаже термин *индивидуално-ауіорски и/или уметнички концепциј* и у даљем току рада настоји да дефинише појам уметничког концепта, наводећи при том и примере класификације уметничких концепата код појединих проучавалаца ове области.

Други рад који налазимо у оквиру прве тематске целине, *План содержания и референтное пространство художественного текста*, представља истраживање Владимира Зајке са Новгородског универзитета Јарослав Мудри. Аутор у раду покушава да укаже на нужност диференцирања литерарног текста од књижевноуметничког дела у целости. Позивајући се на истраживања Бахтина, Лотмана и Барта, В. Зајка истиче да различити прозодијски, стилско-поетски и граматички елементи употпуњују сваки литерарни садржај, чинећи тако одређено дело уметничким. Самим тим, можемо говорити о слојевитости књижевног текста, која се манифестује на неколиким лингво-поетским нивоима, односно проистиче из сплета неколико језичких и литерарних чинилаца: семантичких (идејно-фигуративних), стилистичких (лексичких и синтаксичких) и фонетских (метричких и ритмичких). О стварању ауторског текста, односно књижевно-уметничког дела В. Зајка говори као о оваплоћењу уметниковог унутрашњег света – света који је осмишљен од стране аутора. Као

резултат перцепције књижевног дела такође настаје засебан креативни свет, чији је овога пута творац читалац, а везу између тих двају светова омогућава текст као низ језичких знакова. Изнесене идеје Зајка до краја рада употпуњује лингво-поетском анализом једне Пастернакове лирске песме.

Последњи рад који се у монографији нашао у оквиру тематске целине *Когнитивная поэтика: задачи и категории* јесте рад Елене Никитине са Института за руски језик Руске академије наука у Москви, под називом *Взаимодействие категорий в предложении и тексте*. Ауторка на идејама еминентних лингвиста и теоретичара стила, попут В. Виноградова, Б. Успенског, Ј. Аперсјана, Г. Золотове и Н. Артјунове, заснива језичку анализу одломака из текстова Пушкина, Гогоља, Чехова, Белог, Булгакова, Набокова. Никитина указује на то да се књижевно-уметнички текст базира на фиктивном моделовању стварности помоћу појмовних категорија и представа. Смисао књижевног текста, објашњава ауторка, проистиче из контекста и заснива се на интеракцији формалних, тј. језичких и семантичких елемената текста. Истраживање показује да постоји веза између два најзаступљенија жанра у руској књижевности 19. и 20. века (реалистичке и експресионистичке прозе) и начина на који организујемо стварност помоћу појмовних категорија.

Друга тематска целина у монографији посвећена је интерпретацији уметничког текста и у оквиру ње налазимо два занимљива истраживања. Аутор рада под називом *«Среди миров» или деконструкция символизма. К когнитивно-семантическому анализу стихотворения Иннокентия Анненского* јесте Александар Киклевич, један од редактора монографије. Киклевич на примеру лирске песме

„Између светова“, Иноћентија Аненског, проучава концепт *звезде* као један од централних симболичких концепата у поезији овог песника. Један од циљева овог Киклевичевог проучавања јесте са истакне различите аспекте разумевања концепта који су карактеристични за традиционалну и модерну руску културу. Други рад из ове области представља истраживање А. Лошаковог са Северодвинског универзитета М. В. Ломоносов: *Интерпретација текста в свете идей когнитивистики*. Циљ аутора је да кроз анализу поетских поступака Николаја Заболоцког у песми *Крејшање (Движение)* укаже на значај језичког и стилског проучавања уметничког текста, који нуди когнитивна поетика као нове теоријска дисциплина.

У последњој тематској целини монографије *Когнитивная поэтика: проблемы, опыт исследования* пронаћи ћемо два рада на пољском језику, чије су ауторке предавачи на Варминско-мазурског универзитета у Олштину и један рад на руском језику, професорке Т. Содорове са САФУ универзитета Ломоносов у Архангелску.

Ева Никадем-Малиновска, на примеру песничког остварења *Небески сјихови (Небесные стропы)* руске песникиње Инне Лисњанске (Инна Лиснянская), показује да се сваки књижевно-уметнички текст остварује на два нивоа – на нивоу поруке, тј. кроз смисао самог литерарног текста и на нивоу естетског доживљаја реципијента, тј. утиска који уметничко дело оставља на читаоца. Малиновска заступа идеју да су оба ова нивоа условљена језиком, односно језичким елементима, а стилско-језичко богатство анализираних стихова тумачи као успешну вербализацију личног искуства и философских реминесценција песникиње. Друга ау-

торка, Барбара Козак, истражује поетске реализације концепта *ірех* у изабраним стиховима руског песника Симеона Полоцког, истичући да је концепт *іреха* један од стојера руске спиритуалне културе и да се на њему заснивају важни етички и морални принципи, који у великој мери одређује однос руског народа према животу и религији. Поезија Симеона Полоцког специфична је за проучавање концепта *іреха*, будући да се у његовом раду препознају укрштени утицаји хришћанског православног учења и барокних тенденција. Ово, истиче ауторка, указује на чињеницу да се песник није ограничио конвенционалним, хришћанским схватањем греха, већ је око овог филозофско-религиозног појма креирао свој оригинални уметнички концепт.

У последњем раду који доноси ова монографија, *Реконструкција индивидуално-авторских признаков концепта зеркала*, Т. Сидорова истражује појмовни и уметнички концепт *оіледала* на поетском материјалу руске песникиње Ане Ахматове. Рад је заснован на теоријским поставкама когнитивне граматике Р. Ланакера и когнитивне семантике Н. Болдирјева и тежи да покаже да се књижевно-уметничко дело никада не заснива искључиво на експлицитном литерарном тексту. Књижевно дело по правилу има импликације у личним, односно етно-културним пресупозицијама аутора, односно у његовим погледима, идејама и уметничким концептима.

Публикација *Когнитивная поэтика: проблемы, опыт исследования* има 169 страна. Радови су објављивани на руском и пољском језику, што је условљено по-реклом аутора или институцијом коју представљају. Сваки рад обогаћен је и резимеом на страном језику – енглеском или руском, у зависности од језика самог

рада. Premda redaktori ovo izdanje smatraju kolektivnom monografijom, ono je zapravo osmišljeno i organizovano kao specifičan tematski zbornik radova, posvećen definisanoj pojmovima, predmeta i ciljeva istraživanja jedne posve mlađe filološke nauke – kognitivne poetike. Budući da ovaj pravaц u проучавању текста има додирних тачака са неколиким

дисциплинама (нпр. лингвистиком, стилстиком, теоријом књижевности и бројним другим), верујемо да ће монографија *Когнитивна поезика: проблеми, опыт исследования* бити од значаја широкој домаћој читалачкој публици, различитих интересовања и научних аспирација.

Jovana Jovanović (Beoград)

466

Jakub Bart-Čišinski (1856–1909). Erneuerer der sorbischen Literatur/Wobnowjer serbskeje literatury. Sammelband der internationaler Konferenz zum 100. Todestag des Dichters. Bautzen und Panschwitz-Kuckau, 15.–17. 10. 2009. Herausgegeben von Dietrich Scholze und Franz Schön. Schriften des Sorsbichen Instituts/Spisy Serbskeho instituta, Domowina-Verlag, Bautzen 2011.

Problematika Lužických Srbů je nyní středem pozornosti, alespoň v některých zemích, kde se sorabistika tradičně pěstovala a pěstuje, ale i jinde, kde se toto bádání stalo do jisté míry a v jistých kruzích módou. Celkové ladění přítomného sborníku z konference roku 2009, k níž příležitost poskytlo 100. výročí úmrtí velkého obnovitele a novátora lužickosrbské literatury Jakuba Bart-Čišinského (1856–1909), připomíná přísný akademický spis analyzující petrifikovaný předmět spíše než živý proud literatury, jež právě oslavovaný muž chtěl probudit.

Spis je rozdělen do tří oddílů: *Die Dichtung, Die Sprache a Die Beziehung zur Welt*. Umělecká tvorba je na počátku, ale podstatná jsou také lingvistická bádání a komparativní blok reprezentovaný zřetelem k německému, českému, polskému, ukrajinskému a rusínskému kulturnímu prostoru.

Jakub Bart (něm. Jakob Barth) je tu viděn nejen prizmatem lužickosrbského probuzení, ale také šíře jako součást celkového literárního proudění, především moderny; zdůrazňuje to již úvod editorů s příznačným citátem z Jurije Brězana (1979).

Úvodní studii prvního oddílu *Die Dichtung* napsal *Walter Koschmal*, pro něhož se sorabistika stala jednou z badatelských dominant právě ve spojení s jeho novým působením po sjednocení Německa („nach der Wende“) v 90. letech minulého století. Jeho studie o poetologické sebereflexi Čišinského postupně mapuje metavztah lužickosrbského básníka k vlastnímu dílu včetně jeho recepce, literárních souvislostí a jeho národního a náboženského rozměru. Základním patosem stati – ostatně v Koschmalově případě standardním – je demytizace a deromantizace srbského kulturního prostoru

 2012

– s následky, jež jsou zjevné – poukázáním na vnitřní konflikty s východiskem v textu *Poslední načisk basnje*, kde se Čišinski vyrovnává se svým dílem a svým postavením mezi Lužickými Srby, kteří jeho dílo údajně z různých důvodů nečtou: odtud stylizace pronásledovaného mučedníka a nepochopeného básníka; je však možné vidět tento text i jinak, mírněji, spíše pozitivně: to však záleží na zvoleném úhlu pohledu.

Christiane Piniek se ve svém příspěvku zabývá edicí Sebraných spisů J. B.-Č., včetně archívních materiálů k přípravě edice, již badatelé hodnotí jako standardní i jako ukazatel další cesty. Rozhodování o vydání se odehrávalo v letech 1961–1968 a bylo spojeno s osobností lužickosrbského historika a literárního historika Petra Malinka (Peter Mahling). Autorka zkoumá základní koncepci, podíl jednotlivých editorů, důvody pro nezařazení německých kázání, přičemž vzdává Malinkovi hold především za to, že vytvořil ediční model hodný následování a rozvíjení. Musím přiznat, že mě toto stanovisko, resp. jeho zveřejnění v tomto sborníku, překvapilo, zvláště po všech peripetiích a změnách stanovisek k lužickosrbskému fenoménu za posledních asi dvacet let. V době, kdy se často, obrazně řečeno, „shazuje Puškin z parníku současnosti“, kdy jeden český novinář označil jeden slovník za dílo, jež to předcházející odsune na smetišť dějin, mě je toto vědomí kontinuity v tomto článku příjemně a přiznám se i nečekaně překvapilo.

Róža Domašcyna, budyšínská básnířka a publicistka, interpretuje některé Čišinského básně, *Roland Marti* ve své studii uvádí důvody, proč je Bart-Čišinski představitelem celé lužickosrbské literatury, tedy i dolno-lužické. Ukazuje na jeho komplexní chápání lužickosrbského fenoménu i na jeho vztahy k dolno-lužickému klasikovi Matovi Kósykovi, které autor vidí spíše kontroverzně. *Christian Prunitsch* ve studii *Jakub*

Bart-Čišinski: „Im Fieber“ der Moderne, snad nejzásadnějším příspěvkem prvního oddílu, analyzuje Čišinského vztah k moderně, zejména v básnickém cyklu *W zymicy*, podle něhož pojmenovává i celou studii. Že vztah lužickosrbského básníka k moderně byl ambivalentní, je pro střední Evropu zcela běžné: podobně je tomu s jinými slovanskými i neslovanskými klasiky, kteří modernu deklarativně odmítali, ale fakticky některé z jejich postupů a zásad ve svém díle aplikovali; studie Roberta Pynsenta o české dekadenci můžeme tu brát za svědka. Studie o křesťanských motivech v Čišinského poezii od *Ludgera Udolpha* je v případě tohoto klasika téměř standardní, i když v minulosti z různých důvodů a v různých prostředích to bylo téma ne plně exploatované. Nakolik je přínos Čišinského evropské křesťanské básnické moderně důležitý, bych ponechal jako úkol pro rozsáhlejší a komplexnější práci. Koeditor svazku *Franc Šěn* v hornolužicky napsaném příspěvku (jednom z mála) analyzuje klasickou básnickou sbírku *Swětlo z wyšiny* jako ojedinělý projev fin de siècle, přesněji počátku 20. století, jímž se básník izoloval od lužickosrbské národní orientace své unikátní dílo však odstínil kritickou odezvou na modernu (dopis A. Černému). V poezii Lužických Srbů může být tato sbírka opravdovým světlem z výše svým duchovním rozměrem a moderními stylizačními postupy, ale teprve širší srovnávací kontext by mohl jednak revitalizovat její estetické hodnoty, jednak odhalit vrstvy skutečně původní.

Druhý koeditor *Dietrich Scholze/Šolta* v příspěvku *Jakub Bart-Čišinski und das Theater der jungsorbschen Bewegung* reflektuje básníkův podíl na vzniku mladosrbského hnutí (spolu s lipským studentem Arnoštem Mukou) spojeného s tradičními srazy a divadelními prezentacemi, jež vyvolaly Čišinského činnost dramatickou, adaptační a překladatelskou, jež vlastně iniciovala vznik

467

a vývoj původní lužickosrbské divadelní kultury moderní doby. Ukázat názor Barta-Čišinského na dějiny lužickosrbské literatury si dal za úkol *Piotr Pałys*. Jde o básníkovy studie z let 1903–1904 (dvě byly publikovány v Sankt-Petěrburgu, třetí ve Vojvodině). Autor hodnotí Čišinského explikace pozitivně a ukazuje, že jeho axiologické principy i kánon moderní lužickosrbské literatury, jenž se tu začal zvolna vytvářet, položily základ i budoucímu hodnocení a struktuře lužickosrbských literárních dějin.

Z německo-slovanského „obklíčení“ (i když tu německá clona zůstává) vyňal klasikovo dílo *Rafał Leszczyński* ve studii o antických reminiscencích. Nejde ovšem o nic výjimečného, struktura tehdejšího vzdělávání musela k antice a její imitaci přivábit i autory zdánlivě jiné orientace (viz v české literatuře „generaci buřičů“, – J. S. Machar, P. Bezruč aj.). U Čišinského se to projevuje v citátech, aluzích, reminiscencích, ale dílem také odpovídá dobovým normám, stejně jako revival latinsky psané poezie manýristické a barokní, tehdy běžné zejména ve vícejazyčných oblastech (např. Slezsko s jeho česko-prusko/německo-polským základem).

Jazykovědný oddíl uvádí renomovaný lužickosrbský badatel *Heinz Schuster-Šewc* v německém příspěvku o vztahu Barta-Čišinského k spisovně hornolužičtině. Autor zkoumá tento proces zejména v tvorbě Smolerové a Hórníkové a vposled právě u Čišinského, i když právě on se často uchýloval k rétorické patetice.

Další příspěvky se týkají parciálních jazykových problémů spojených s klasikovým dílem. *Małgorzata Milewska-Stawiany* v polsky psané studii zkoumá deminutiva v jeho poezii, a to s rozsáhlým dokladovým materiálem v přehledových tabulkách a s důrazem na to, že představují širokou paletu emocionálních variant. *Anja Pohončowa* se zabývá specifiky Čišinského slovtvorby v jeho publicistice,

Sonja Wölkowa zase frazeologismy v jeho epistulárním dědictví. *Jana Šolćina* bádá o výpůjčkách a cizích slovech, *Nadia Lobur* analyzuje filozofické lexikální vrstvy v jeho publicistice.

Podstatný je *třetí oddíl* uvedený studií *Rudolfa Kilanka* o kázáních Barta-Čišinského v Hofkirche v Drážďanech v letech 1888–1895. Jde právě o ta kázání, jež nebyla zahrnuta do jeho Sebraných spisů; podle autora dokládají klasikovo dokonalé zvládnutí němčiny v jejích poetických variantách (slovní hříčky, přísloví): ilustruje to poměrně rozsáhlými ukázkami. Český sorabista *Petr Kaleta* se v lužickosrbsky psaném příspěvku věnuje názoru Adolfa Černého na Bartovo dílo obsaženým v jeho edicích i samostatných studiích (zejména v Slovanském přehledu); v záběru také srovnává disparátní životní dráhy obou osobností.

Zdeněk Valenta zase analyzuje pojetí klasikova díla z korespondence A. Černého a A. Muky; *Viktor Velek* v česky psaném příspěvku ukazuje jeho tvorbu v prostoru české a lužickosrbské hudby (díla českých skladatelů, např. Jindřicha Seidla, Josefa Kolářika, Jaroslava Křičky aj., na Čišinského texty). *Renata Bura* rozebírá v básníkově díle polonica (A. Mickiewicz, J. Słowacki, S. Wyspiański aj.). Tři ukrajinští autoři (*Volodymyr Motornyj*, *Oksana Lazor*, *Olha Albul*) napsali přehledný příspěvek o ukrajinské recepci díla Čišinského; právě zde se jeho postava dostává velkého zadostiučinění, a to i v rovině ryze umělecké. Finský sorabista *Eero Balk* přináší ve svém lužickosrbsky napsaném příspěvku srovnávací analýzu Barta-Čišinského a vojvodinského Rusína Havriila Kostelnika: nachází zde shody i rozdíly: tím zásadním rozdílem je problém teritoriálně autochtonní a allochtonní. Z hodně vzdáleného vnějšího pohledu se tyto odlišnosti – viděno i z diachronní hloubky – mohou zdát typologicky jako méně podstatné.

Konference a její publikační výstup vykazuje několik znaků, které jsou pro převažující podobu současné sorabistiky charakteristické. Především jde o akademicky pojatý výzkum, seriózní, se všemi vědeckými náležitostmi, současně – jak už svrchu poznamenáno – nořící se do hlubin klasika a jeho literatury jako do poněkud petrifikovaného, skoro bych se odvážil napsat uzavřeného předmětu. Při veškeré metodologické otevřenosti tu nenajdeme mimořádné výboje a zcela nové objevy, málo je tu hledání a nacházení toho, co by mohlo revitalizovat současnou lužickosrbskou literaturu, delimitovat ji z okruhu jí blízkých písemnictví jako něco specifického, zvláštního a vůbec její perspektivu, analýzu celé národní komunity; zdá se, jako by o to již tolik nešlo; jisté, zcela samozřejmé vnímání předmětu sorabistiky jako něčeho nehotového, co musí být kontextově komplementováno; je to sice pro vnímání lužickosrbského písemnictví a celého fenoménu Lužice typické, ale tím pádem nijak povzbudivé. Sborník jako celek pokládám ovšem za velmi kvalitní, tematicky vyvážený a v dobrém slova smyslu komplexní, byť ne ve všech oddílech. Dovolím si nicméně i pár komentujících poznámek. Jazykovědný diskurs bych označil za spíše fragmentární, snad s výjimkou celistvěji pojaté stati nestora H. Schustera-Šewce a Nadji Lobur. Úvodní literárněvědný oddíl nahlíží Čišinského tvorbu z různých zorných úhlů; ocenil jsem poctu Pětru Malinkovi, svému příteli z doby mých cest do Lužice, jednou i s Josefem Suchým u příležitosti jeho životního jubilea; v tomto smyslu bych odkázal na

dvě publikace z dílny a iniciativy brněnských slavistů a mladých sorabistů.¹ Nicméně uprostřed dobře a se znalostí napsaných studií, např. z pera Waltera Koschmala, Ludgera Udolphu, Dietera Scholzeho-Šořty nebo France Šéna aj. i když s řadou z nich z širšího literárněvědného a metodologického a slavistického hlediska nemusím vždy souhlasit, chybí text, jenž by dílo Barta-Čišinského ukotvil v čase a prostoru i v poetologickém systému lužickosrbské a širše dobové evropské literatury a ukázal jeho díla jako živou součást aktuálního dění. Jistě nikoli jen ideově, tematicky nebo morfologicky, ale základním směřováním uměleckého celku. I když třetí oddíl je cele věnován srovnávacím souvislostem jeho díla, tedy, jak je tu kulantně řečeno, „vztahům ke světu“, rozsah tohoto „vztahu“ je silně omezen a je vlastně tak trochu provinční nebo regionální, jako by lužickosrbská literatura komunikovala jen s literaturou německou, českou, polskou, event. jednou či dvěma dalšími. Samozřejmě je tu ještě diferenciací v charakteru těchto vztahů, např. vztah lužickosrbsko-český je jistě historicky a poetologicky jiný než lužickosrbsko-ukrajinský; ve svých nejlepších autorech a dílech je tato literatura – nehledě na svá obrozená a intenčně národní omezení (ale to byla česká a jiné literatury kdysi také) jevem evropským; tyto „vzdálenější“ a obecnější komparativní polohy mi tu právě chybějí. Nicméně ani to nemění nic podstatného na tom, že „mobilizace“ mezinárodní sorabistiky za strategické iniciativy Srbského ústavu v Budyšině pokračuje.

Ivo Pospíšil (Brno)

469

- 1) Radek Čermák, Giuseppe Maiello: *Nástin dějin a literatury Lužických Srbů. Středoevropské centrum slovanských studií, edice Evropské obzory*, Brno 2011, ISBN 978-80-86735-09-2. Ivo Pospíšil, Josef Šaur a kol.: *Sorabistika – metodologie, zkušenosti a budoucí směřování*. Masarykova univerzita, Brno 2011.

 CMA 2012

***Język poza granicami języka 2, Semantyka a pragmatyka: spór o pierwszeństwo*, Tom 1. Aspekty lingwistyczno-semiotyczne, pod redakcją Aleksandra Kiklewicza, Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie, 2011.**

470

Други број зборника из циклуса под насловом *Język poza granicami języka* („Језик ван граница језика“) представља скуп научних лингвистичких радова са међународне конференције: *Semantyka a pragmatyka: spór o pierwszeństwo* („Семантика а прагматика: расправа о статусу првенства“), која је одржана 2010. године у месту Тумјани, у Пољској, под покровитељством Вармињско-Мазурског Универзитета у Олштину (прва конференција је била 2007. год. у месту Острога). Том приликом су прочитани реферати познатих научника из области лингвистике и филозофије, из Пољске, Русије и Украјине. Реферати су разврстани у две свеске. Прва свеска, која је пред нама, садржи реферате лингвистичко-семиотичног, док друга филозофског карактера. Језгро прве свеске другог броја зборника, са укупно 239 страна, чини укупно 16 радова, написаних на пољском (9), руском (4) и енглеском језику (3). У сваком раду наведена је литература. Зборник је подељен на два дела: 1. *Semantyka i pragmatyka w teoretycznym modelu języka* („Семантика и прагматика у теоријском моделу језика“, стр. 9–133) и 2. *Semantyka i pragmatyka w zachowaniach komunikacyjnych* („Семантика и прагматика у комуникативном понашању“, стр. 135–239).

У уводној речи, главни уредник Александер Киклевич (Aleksander Kiklewicz), укратко на две стране, представио је своје виђење садашњег стања лингвистике, фокусирајући се на прагматику, и предочио

је јавности проблем избегавања прагматике и њеним испуњавањем семантичком терминологијом. Међутим „ера прагматике“ (која се развила у другој половини XX века) означена је, између осталог, тиме да су бројни семантички појмови интерпретирани са новог, динамичког, прагматичког становишта.

У зборнику забележили смо укупно 10 радова из Пољске. Уредник зборника Александер Киклевич (Aleksander Kiklewicz, Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie) презентовао је подужи рад под насловом *Pragmatyka bez semantyki* (стр. 25–69). У раду се анализира динамични односи између семантике и прагматике у друштвеној комуникацији и то у неколико одељака: 1. *Semantyka vs. pragmatyka*, 2. *Pragmatyka na bazie semantyki*, 3. *Pragmatyka bez semantyki: wymiar teoretyczny zjawiska*, 4. *Pragmatyka bez semantyki: sfery występowania*, 5. *Pragmatyka bez semantyki: resursy* (5.1. *Eksponowanie formy komunikatu*, 5.2. *Eksplorowanie elementów sytuacji komunikacyjnej*, 5.3. *Odstępstwa od postulatów jakości*, 5.4. *Infantylizm semantyczny*, 5.5. *Standardyzacja zachowań językowych*), 6. *Pozycjonowanie i frekwencja przekazu* и 7. *Czwarte królestwo? (zakończenie)*. Под друштвеном комуникацијом се подразумева врста култивисаних знаковних мера и начин њихове употребе. По ауторовом мишљењу, данашње стање је обележено и мотивисано тзв. умасовљењем („umasowienie“), а пре свега насилним интернационализовањем друштвене кому-

никације. Однос семантике и прагматике у новом систему знаковне комуникације, где се језик прилагођава новим стварним чињеницама друштвеног живота, представља данас главни проблем. Олег Лешчак (Oleg Leszczak, Uniwersytet Humanistyczno-Przyrodniczy Jana Kochanowskiego w Kielcach) у раду *Semantyka – syntaktyka – pragmatyka: funkcjonalno-pragmatyczna rewizja pojęć* (стр. 97–109) анализирао је појмове *семантика*, *синтактика* и *прагматика*. Аутор је закључио да је главна функција семантике – денотација (означавање), а прагматике – исказивање и да је функционално-прагматичка суштина људске комуникације не та да означава, већ пре свега да изражава и регулише везе међу информацијама, па је зато у језику најважније не то шта и како означава, већ како и зашто изражава. Мажена Цизман и Томаш Маркјевка из Торуня (Marzena Cyzman, Tomasz Markiewka, Uniwersytet Mikołaja Kopernika) представили су у раду „How to do Austin with Derrida and Fish? O Fisha i Derrida lekturze Austina“ (стр. 111–124) разматрања познатих теоретичара књижевности (*J. Derrida* и *S. Fish*) о књизи *How To Do Things With Words* Аустина. Рената Макарјевич (Renata Makariewicz, Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie) изнела је своја запажања на тему *Redundancja zrównoważona w komunikacji szkolnej w ujęciu lingwistyki edukacyjnej* (стр. 149–160). Термин *образовна лингвистика* (*lingwistyka edukacyjna*) је настала под окриљем примењене лингвистике и њеним задатком јесу разматрања о језику у току едукације. Ауторка је скренула пажњу на редуваност и на њену потребу да се избалансира у процесу школске едукације и комуникације. Мајкл Флајшер (Michael Fleischer, Uniwersytet Wrocławski) анализирао је један новонастали

вид комуникације у Пољској под називом *Komunikacja bezrefleksyjna* (стр. 161–175). У раду је он описан у следећим одељцима: 1. *Mindfulness i mindlessness*, 1. *Cechy bezrefleksyjnych*, 2. *Konsekwencje i główne zasady komunikacji bezrefleksyjnej*, 3. *Tło teoretyczne – mindfulness, mindlessness i frames* и 4. *Dydaktyka w paradygmacie mindfulness*. Моњика Столарчик-Желонка (Monika Stolarczyk-Zielonka, Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie) представила је рад на тему *Intencjonalność aktów komunikacyjnych w świetle założeń semantyki dynamicznej* (стр. 177–182), у коме је поближе описала термин *интенсионалности* (настао из Хусерлове филозофије) у комуникацији, са тачке гледишта *динамичне семантике* односно *семантике хипотетичних значења*, нове дисциплине настале у Енглеској. Моника Ћихмињска (Monika Cichmiskańska, Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie) презентovala је рад *‘Mam big stresa’: wiedza potoczna, definicja kognitywna a psychologia w języku potocznym* (стр. 183–199). Ауторка је представила модел когнитивне дефиниције појма „стрес“ у следећим одељцима: 1. *Semantyka a pragmatyka*, 2. *Wiedza naukowa, wiedza potoczna a językowy obraz świata*, 3. *Definicja kognitywna*, 4. *Naukowa definicja stresu*, 5. *Stres w języku potocznym*, 6. *Stres w języku potocznym – próba definicji kognitywnej* и 7. *Dyskusja*. Елжбјета Павликовска-Арсендрих (Elżbieta Pawlikowska, Akademia im. Jana Długosza w Częstochowie) у раду под насловом *Znaczenie leksykalne niemieckich złożeni rzeczownikowych a ich pragmatyczna modyfikacja w reklamie* (стр. 201–209) указала је на разлике између лексичких и прагматичких значења немачких именичких сложеница у рекламама, које се појављују у новинама намењеним женама. Рад се састоји од следећих целина:

471

1. *Wstęp*, 2. *Istota złożeń determinatywnych w języku niemieckim*, 3. *Znaczenie leksykalne i konotacyjne złożeń determinatywnych*, 4. *Hasło reklamowe jako kontekst*, 5. *Procesy rozumienia obrazu w reklamie*, 6. *Wpływ obrazu na znaczenie złożenia w ogłoszeniu reklamowym* и 7. *Wnioski*. Зоја Новоженова (Zoja Nowożenowa, Uniwersytet Gdański), која је докторирала на тему „Русское глагольное предложение: структура и семантика“, представила је у овом зборнику рад *Глагольное предложение: прагматика vs. семантика, прагматика vs. грамматика* (стр. 211–219). Анет Симс из Вроцлава (Annette Siemes, Uniwersytet Wrocławski) анализира је концепте различитих стилова живота у сфери језика и комуникације у раду *Konsepce stylów życia i obserwacje komunikacji – lifestyleowe kody komunikacyjne* (стр. 229–239).

Зборник доноси укупно 4 рада из Русије. Рад под насловом *The Semantics vs. Pragmatics Debate in the Context of the Orientational Function of Language* (стр. 11–23) Александра Кравченка из Иркутска (Alexander Kravchenko, Baikal National University of Economics and Law) садржи следеће одељке: 1. *Signs and meaning*, 2. *Where the mainstream approach goes wrong*, 3. *The problem with semantics* и 4. *Meaning and the function of language*. У свом раду Кравченко је описао и размотрио однос знака и значења, а при том и прагматике и семантике, цитирајући бројне радове познатих научника из тих области. Аутор из Санкт-Петербурга Игор К. Архипов (Игорь К. Архипов, Российский государственный университет им. А. И. Герцена) презентовао је рад под насловом *О «споре» семантики и прагматики* (стр. 71–79). Микхаил Димарски из Санкт-Петербурга (Mikhail Dumarsky, Herzen State Pedagogical University of Russia) у раду

под насловом: *Syntax, Semantics, and Two Faces of Pragmatics* (стр. 81–95) разматрио је дугогодишњи ривалитет семантике и прагматике око приоритета у неколико одељака: 1. *Two general features of the semantics-pragmatics relationship discussion* (1.1. *Does the search of distinction lead anywhere?*, 1.2. *Pragmatics as vector semantics*), 2. *Speaker's semantics vs. hearer's pragmatics?*, 3. *Two faces of pragmatics* (3.1. *The first face of pragmatics: The hearer's*, 3.1.1. *The Rule of Contrasted Negation*, 3.2. *The second face of pragmatics: The speaker's*, 3.3. *Discussion of the results*), 4. *On pragmatic potential of syntactic semantics* (4.1. *Syntactic relation vs. syntactic connections*) и 5. *Conclusion*. Аутор је закључио да прагматика треба да буде позиционирана као вектор семантике и описао је два њена аспекта: прагматика говорника и прагматика слушаоца. Оба аспекта су блиска, али имају другачију везу са семантиком. Феликс Литвин (Felix Litvin, Orel State University) обрадио је тему *Fuzziness of semantic phenomena and problems of comprehension* (стр. 137–148), у којој је изнео своја запажања о семантици текста и о разумевању и односу између значења појединачних речи и значења исказа.

Из Украјине објављена су 2 рада. Оксана Просјаник (Оксана Просяник, Харьковский национальный экономический университет) у раду на тему *Проблема значення и значимости «De l'essence double du langage» в Ф. де Сосюра* (стр. 125–133) анализира је појмове значења и вредности код Сосира. Елена Пчелинцева (Елена Пчелинцева, Черкасский государственный технологический университет) спровела је истраживање у раду, под насловом *Семантика и прагматика транспозиции* (стр. 221–228), и представила је резултате у вези са руским и пољским девербалима

уз помоћ семантичких и прагматичких параметара.

Аутори радова су у зборнику који је пред нама на исцрпан начин бавили решавањем фундаменталних лингвистичких проблема и анализирањем разновр-

сних нових питања из домена прагматике и семантике, са надом да ће нова сазнања заинтересовати читаоце, пре свега лингвисте, филозофе, логичаре, антропологе и културологе.

Јелена Јанковић (Београд).